

Глава 3

Брак

Цзянь Жу не хотел оставаться в поместье ни на мгновение дольше, но тело отказывалось ему повиноваться.

Он выпил отвар, однако жар всё равно вернулся.

В первый день после пробуждения за ним по-прежнему ухаживал Сунь Юйшуан, чьё лицо не покидало холодное и высокомерное выражение. Цзянь Жу не желал его видеть, но выбора у него не было. Впрочем, большую часть времени он проводил в полузабытьи, так что им почти не доводилось разговаривать.

На второй день его по какой-то причине сменила пожилая женщина по фамилии Цзинь.

Эта женщина оказалась расторопной и умелой, и, в отличие от Сунь Юйшуана, не отпускала едких замечаний, хотя и была излишне прямолинейна.

Несмотря на летний зной, Цзянь Жу укрывали толстым одеялом. За два дня и две ночи он так пропотел, что утром, когда бабушка Цзинь вошла в комнату с тазом горячей воды, плотно закрыла окна и двери и сдёрнула с него одеяло, она громко воскликнула:

— Батюшки, да от тебя кислым потом разит!

Цзянь Жу и сам это почувствовал и от стыда готов был провалиться сквозь землю.

Краска залила его лицо, отчего шрам на щеке побагровел и стал ещё заметнее. Бабушка Цзинь беззастенчиво разглядывала его, даже провела по рубцам рукой и с сожалением покачала головой:

— Эх, дитя, такой пригожий был бы, а этот шрам на пол-лица... Испортили хорошего юношу.

С тех пор как с ним случилось несчастье, никто ещё не говорил о его увечье так открыто и беззлбно. Цзянь Жу не обиделся.

Но когда грубые руки бабушки Цзинь потянулись к его одежде, чтобы раздеть, он не выдержал и наотрез отказался позволить ей это сделать.

Не сумев его переубедить, женщина оставила ему таз с водой и полотенце, чтобы он обтёрся сам.

Выходя из комнаты, она с укоризной проворчала:

— Говорю, что лицо у тебя некрасивое — ты не сердись. Хочу по-доброму помочь обмыться — ты отнекиваешься.

Цзянь Жу не был неблагодарным, просто он не привык к такому и сильно стеснялся. Крепко вцепившись в воротник своей рубахи, он с заискивающей улыбкой смотрел на старуху, боясь, что она вернётся.

Бабушка Цзинь сверкнула на него глазами.

— Вот поженитесь, посмотрим, позволишь ли ты своему супругу одежду с тебя стаскивать!

Щёки Цзянь Жу вспыхнули огнём, а старуха, громко расхохотавшись, вышла из комнаты.

Когда она ушла, на душе у юноши стало тоскливо. С браком ему, похоже, в этой жизни не суждено было познать счастья.

Раньше он не сдавался, веря, что даже с таким лицом сможет жить как все. Но Цзян Маоцай и Чжан Цзяо развеяли его последние надежды.

При мысли о них Цзянь Жу снова принялся неосознанно тереть руки, словно пытаюсь содрать с них кожу.

Поскольку снаружи его ждали, он не смел мешкать. Быстро обтёр тело и вымыл голову.

Бабушка Цзинь принесла ему чистую одежду. Он сменил ночную рубаху, но верхнее платье, потрогав, отложил в сторону.

Ткань была дорогой, а покрой — изысканным, какого он никогда не видел. Цзянь Жу не хотел пользоваться чужой добротой. Ночная рубаха — дело иное, сменной у него не было, но возвращаться домой он собирался в своей одежде.

Примерно рассчитав время, бабушка Цзинь вернулась, сменила пропитанные потом постельные принадлежности и принесла Цзянь Жу тонкое одеяло.

— Люди в этом поместье совсем ничего не смыслят. При простуде и жаре кутаться нельзя. Как одевался и укрывался в здоровом состоянии, так и продолжай. Пей лекарство, и через три-четыре дня будешь как огурчик.

— Вы разбираетесь в медицине? — с удивлением спросил Цзянь Жу, помогая ей убирать постель.

— Эх, — махнула рукой старуха, — я приехала сюда в услужение к почтенной госпоже, когда она ещё была невестой. За столько десятилетий насмотрелась и наслушалась всякого, так что в простых хворях немного разбираюсь.

Цзянь Жу, не задумываясь, почему прислуга самой госпожи Ли приехала ухаживать за ним, с восхищением сказал:

— Но это лишь потому, что вы сами любознательны и во всё вникаете. Другие ведь смотрят — и ничего не понимают, а вы всё усвоили!

Он говорил искренне. Цзянь Жу считал себя ни на что не способным. Когда они с Чжан Цзяо бывали в городе, он с завистью смотрел на юношей, что работали в лавках, и мечтал, что когда-нибудь тоже обретёт такое умение.

Искренняя похвала приятна любому. Бабушка Цзинь посмотрела на него и с улыбкой сказала:

— А ты, дитя, на язык-то сладок.

Вечером, выпив лекарство, Цзянь Жу всё ещё чувствовал жар, но уже не такой сильный, как в предыдущие дни. Под тонким одеялом было не так душно, и он впервые за долгое время крепко уснул.

На следующий день он уже собирался уходить, но бабушка Цзинь не только строго на него посмотрела, но и замахнулась, будто собираясь ущипнуть.

— Куда ты мечешься? Сиди смирно. Поправишься окончательно, тогда и пойдёшь домой.

Цзянь Жу хотел возразить, что уже здоров, но под её грозным взглядом не посмел и пикнуть.

После завтрака и лекарств старуха решила вывести его прогуляться по поместью — погреться на солнышке, изгнать остатки болезни.

За все эти дни Цзянь Жу ни разу не выходил из комнаты. Ему было любопытно, но он не хотел доставлять хлопот и боялся столкнуться с хозяевами. Что он им скажет, если его спросят, кто он такой? Сплошная неловкость.

А главное — его лицо. После предательства любимого человека и лучшего друга, едва не погибнув, он, казалось, смирился. Пусть смотрят, пусть обсуждают — кусок мяса от него не отвалится. Каков есть, таков есть.

Но хозяева поместья приютили его, кормили, одевали и лечили. Он был им обязан и не хотел пугать их своим видом.

Однако бабушка Цзинь была женщиной непреклонной. Раз сказала «пойдём», значит, пойдём. Она уже принесла ему новую одежду и собиралась нарядить для прогулки.

Идти так идти, но надевать новое платье Цзянь Жу наотрез отказался. Он настоял, чтобы ему вернули его старую одежду.

Бабушка Цзинь смерила его с ног до головы презрительным взглядом и покачала головой.

Цзянь Жу и сам понимал, что вид у него жалкий. Эта одежда была для работы, к тому же порванная в нескольких местах, пока он барахтался в реке.

Старуха пошла вперёд, а Цзянь Жу, закрыв за собой дверь, последовал за ней. Не успел он сделать и шага, как его шлёпнули пониже спины. Он вздрогнул и обернулся. Бабушка Цзинь, убирая руку, усмехнулась:

— Попка хоть и маленькая, а мясистая.

Цзянь Жу чуть не умер от смущения, но спорить со старшими не мог, лишь надул щёки. Старуха, не обращая на это внимания, пошла дальше, а он, красный как рак, поплёлся за ней.

— Худой, да, — удовлетворённо бормотала она, — но бёдра не узкие. Для рождения детей сложен хорошо.

Цзянь Жу не понял её слов и лишь опустил взгляд на себя, ничего особенного не заметив.

День выдался на удивление ясным. После долгого перерыва наконец выглянуло солнце. Августовское утро на севере было приятным, ни холодным, ни жарким.

В поместье семьи Ли разводили лошадей, и все они были высокими и статными. Люди со всей округи, желая купить коня, непременно заезжали сюда.

Главный дом семьи находился в городе, но поскольку к поместью прилегали обширные пастбища, родственники часто приезжали сюда летом покататься на лошадях, а зимой — поохотиться.

Поместье состояло из двух дворов. Каменные столы и скамьи под виноградными лозами

выглядели просто, даже грубовато, но для Цзянь Жу это была невиданная роскошь.

Он старался не глазеть по сторонам, чтобы не выдать своего деревенского происхождения.

К счастью, по пути им почти никто не встретился, лишь молоденькая служанка, лет десяти, выносила сушить постельное бельё. Увидев их, она поспешно поклонилась бабушке Цзинь, мельком взглянула на Цзянь Жу и тут же испуганно отвела глаза.

Её любопытство не задело его.

Бабушка Цзинь провела его по обоим дворам, затем они вышли на пастбище. Устав, повернули обратно.

Они шли почти беззвучно. Войдя во двор и ещё не обогнув стену-ширму, они услышали тихий разговор.

Один из голосов Цзянь Жу узнал — это была та самая служанка.

— Ты бы видела, — говорила она, — у него пол-лица такое страшное! Я как глянула, чуть не закричала.

Цзянь Жу понял, что речь идёт о нём.

Лицо бабушки Цзинь потемнело, и она, засучив рукава, уже собиралась выйти из-за ширмы, но он схватил её за руку и покачал головой. Он не хотел устраивать скандал в чужом доме. К тому же, его не в первый раз называли уродом. Если бы он каждый раз обижался, то давно бы умер от злости.

В этот момент вторая служанка вздохнула:

— Наш второй молодой господин — человек небесной красоты. И надо же было ему связаться с таким! Вот уж воистину — жаба, возжелавшая лебединого мяса...

Не успел Цзянь Жу осмыслить услышанное, как на лбу у бабушки Цзинь вздулись вены. Она больше не могла сдерживаться. Вырвав руку, она вихрем вылетела во двор.

— Ах вы, девки паршивые! Вместо того чтобы работать, языками чешете о хозяевах! Ну, я вам сейчас покажу!

Схватив обеих за уши, она потащила их в дом, не обращая внимания на их визги.

Когда всё стихло, Цзянь Жу обогнул ширму и медленно подошёл к старухе.

Та взглянула на него.

— Пойдём, поговорим в доме.

Они вернулись в комнату, где Цзянь Жу выздоравливал, и сели у окна.

Он опустил голову, нервно сцепив пальцы.

Ему вспомнились язвительные слова Сунь Юйшуана и его обещание, что второй молодой господин Ли «всё уладит». Цзянь Жу два дня размышлял над этим, прикидывая, какую сумму просить, если ему предложат деньги в качестве благодарности.

Он не был жадным, но жизнь заставляла быть практичным. Одним достоинством сыт не будешь. Он решил, что попросит десять лянов серебра. Если не дадут, то и три, и пять лянов — хорошо. Даже один лян... он был бы рад и этому.

Но сегодняшние разговоры бабушки Цзинь о супруге и детях, а также слова служанок, заставили его понять: «уладить» означало совсем не то, что он думал.

Только сейчас до него дошло, почему прислуга самой госпожи Ли приехала в поместье её родственников, чтобы ухаживать за ним.

— Это второй молодой господин сказал семье, что здесь нет никого, кто мог бы за тобой как следует присмотреть. Поэтому госпожа и отправила меня сюда, — пояснила бабушка Цзинь.

Цзянь Жу удивлённо поднял на неё глаза, но тут же опустил их. При упоминании «второго молодого господина» его сердце дрогнуло от слов служанки.

— П-пожалуйста... передайте мою благодарность почтенной госпоже и... и второму молодому господину, — тихо проговорил он.

— В доме хватает умелых слуг, — медленно произнесла бабушка Цзинь, внимательно наблюдая за ним. — Госпожа послала меня не только для этого.

Цзянь Жу посмотрел на неё, уже догадываясь, к чему она ведёт.

И она подтвердила его догадку:

— Что ты думаешь о браке со вторым молодым господином?

В голове у Цзянь Жу загудело. Он открыл рот, но не смог произнести ни слова и резко отвернулся.

— Я... я... я не хочу выходить за него.

Лицо старухи выразило досаду.

— Ты, дитя, кажешься такиммышлёным, как же ты в такой важный момент глупеешь? Взрослый мужчина видел тебя нагим, держал в объятиях целую ночь. Если ты не выйдешь за него, кто ещё тебя возьмёт?

Её слова были слишком прямыми и бесцеремонными. Цзянь Жу не ожидал, что она знает всё в таких подробностях. Его лицо вспыхнуло.

— Откуда... откуда вы знаете? — заикаясь, спросил он.

— В тот же день, как вы вернулись, госпожа приезжала навестить второго молодого господина. Он и рассказал ей всё, что случилось той ночью. А она потом пересказала мне.

— Зачем он всем рассказывает... — пробормотал Цзянь Жу, готовый стореть со стыда.

— Он не всем рассказывает, — вступилась за хозяина старуха. — Он рассказал только своей матери, чтобы решить вопрос с браком.

— Но Сунь Юйшуан, кажется, тоже в курсе, — возразил Цзянь Жу.

Бабушка Цзинь скривила губы.

— Вероятно, догадался. Ты не обращай на него внимания. В тот момент в поместье не было никого другого, и второму молодому господину пришлось просить его присмотреть за тобой. Если бы не он в своё время... — Она осеклась, взглянув на Цзянь Жу. — Но вернёмся к браку. Почему ты отказываешься, если всё так сложилось?

Потому что он не достоин. Одна мысль о том, что такой человек, как второй молодой господин, будет вынужден жениться на нём из чувства долга, терзала его душу.

Слова служанок о жабе и лебеде больно ранили его, словно ядовитые шипы. Он вспомнил презрительный взгляд Сунь Юйшуана, жестокие слова Цзян Маоцая о том, что его лицо подобно лику демона, и, наконец, неземную красоту второго молодого господина. Вспомнил, как тот, взглянув на него, упал в обморок.

Возможно, ему и не суждено было познать счастье брака, но у него оставалась гордость. Навязываться, требуя благодарности, он не мог и не хотел.

Не желая выставлять напоказ свои раны, Цзянь Жу лишь упрямо покачал головой.

— Я просто не хочу, — твёрдо сказал он, не оставляя себе пути к отступлению. — Я скоро уйду из поместья и вернусь домой.

Бабушка Цзинь принялась его уговаривать:

— Хозяева, конечно, запретили об этом говорить, но спасти вас отправились и родственники, и слуги. Все видели, как второй молодой господин нёс тебя на спине. Рано или поздно злые языки разнесут слухи. Его репутации это не повредит, а вот что будет с твоей? Как ты потом людям в глаза посмотришь?

Но Цзянь Жу молчал, как истукан, и не поддавался на уговоры.

Проспорив с ним битый час и охрипнув, старуха поняла, что ничего не добьётся.

— Хорошо, — сдалась она наконец. — Но не уходи так поспешно, чтобы не запустить болезнь. Выпей хотя бы сегодня вечером последнюю порцию лекарства, а утром отправляйся.

Спорить дальше было бы невежливо, и Цзянь Жу согласился.

Пожинав и собрав свои немногочисленные пожитки, он приготовился провести последнюю ночь в поместье.

Но и тут ему не дали покоя. Едва он выпил лекарство, как вошла бабушка Цзинь и объявила, что второй молодой господин желает его видеть.

<http://bllate.org/book/13681/1212212>